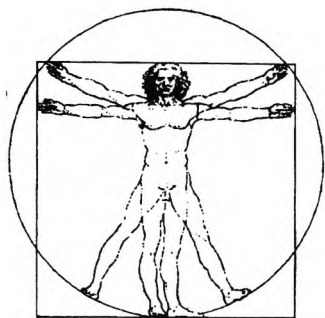

Рефлексия на себя и других

Владимир Зинченко

Субъективные заметки о психологической диагностике

Блондинки — более пылки, чем брюнетки (см. Брюнетки).

Брюнетки — более пылки, чем блондинки (см. Блондинки).

Г. Флобер. Лексикон прописных истин

Каждый человек — уникальная личность, а не вещь для манипулирования

Начну с очевидного. Нет двух одинаковых людей. Каждый человек есть новый и неповторимый. Нельзя сформировать личность с заранее заданными свойствами. Извне сформированная личность — не личность, а наличность того, кто ее сформировал, т.е. зомбированное существо. Мрачная перспектива клонирования людей, слава Богу, еще в тумане. Индивидуально-психологические различия между людьми — пока еще реальность и интереснейший предмет не только психологии, но и искусства, всего гуманитарного знания. Человеческое разнообразие породило культуру, а культура усиливает это разнообразие, с которым трудно смириться цивилизации. Слишком много хлопот оно ей доставляет. Для нее избыточна даже прелестная типология Гиппократов.

М.М. Пришвин четко разграничил культуру и цивилизацию. Культура — это связь людей, цивилизация — это сила вещей. Цивилизации нужны стандарты, которые она требует от науки. Соответственно, в любой науке

присутствует как культурная, так и цивилизационная компонента, когда в науке начинает преобладать цивилизационная, она перестает быть неотъемлемой частью культуры, возрождается социальный детерминизм. Не является исключением и психология. Человека ведь тоже рассматривают как машину, как вещь и манипулируют им как вещью.

Большевики умело манипулировали и человеком, и его сознанием, но они этого не афишировали. В «манипуляторах» у них ходили «реакционные западные ученые». Сейчас манипуляции продолжаются, о них не только откровенно говорят. Издают книги, в том числе и под эгидой Института философии РАН, посвященные способам манипулирования личностью, и открывают соответствующие учебные заведения. Когда в этом принимает участие психология, она перестает быть культурной, хотя, возможно, остается исторической в достаточно сомнительном смысле слова.

Культура говорит: «Можно купаться в количестве слез, пролитых лучшими мыслителями по поводу того, что судьбы человека еще не измерены» (Хлебников В.) [1]. Психология ей ответила разработкой тестов на измерение интеллекта (IQ), а сегодня, позавидовав гадалкам и шаманам, занялась тестированием креативности, одаренности, личности, замахнулась и на судьбу.

Психология потеряла свой предмет исследования, расчленив его Психология перестала быть наукой о душе и стала наукой об ее отсутствии. Это печальное наблюдение в свое время сделали В.О. Ключевский и его современники — русские философы и психологи. Психология, действительно, пожертвовала душой, видимо, не столько идя навстречу пожеланиям цивилизации, сколько ради научной объективности своей субъективной науки. Хотя, кто знает? Во всяком случае психология не может похвастаться успехами в изучении души. Психологи примерно 150 лет тому назад начали расчленять душу на отдельные функции и успешно продолжают это увлекательное занятие до сего времени. Попытки собрать душу воедино редки и малоуспешны. «Сущее не делится на разум без остатка», — предупреждал В. Гёте и измерить алгеброй гармонию ее никому не удалось. Душа оказывается в остатке, по поводу чего психология сохраняет олимпийское спокойствие, не испытывает угрызений совести, ибо она сама не страдает от избытка души. Душа ме-

шает психологии быть научной. Мешает даже имя — Психология. Вариантом замены, порой пародийным, нет числа: бихевиоризм, ментализм, когнитивизм, коннекционизм — в США. Не отстаем и мы: реактология, рефлексология. Из относительно новых — акмеология (не путать с акмеизмом). Особенно умиляет, когда акмеологию преподают государственным служащим, у которых акме давно в кармане. Но «акмеология» звучит гораздо более нежно, благозвучно и таинственно по сравнению с откровенным словом «коррупциология». Л.С. Выготский в свое время говорил о вершинной психологии, даже как-то назвал ее акмеистической, но ему было дорого имя Психология, на котором осела пыль веков. Л.С. Выготский защищал это имя от С.Л. Франка, утверждавшего, что материалистическая психология утратила право называться психологией. С такой бездушной психологией мы вошли в XXI век.

Следствие потери души для психологии

Потеря души далеко не безобидна. А.А. Ухтомский нарисовал картинку того, что обещается в психологии «объективными» методами изучения: «Будет царство немое и глухое, ибо никто никого понимать не будет при уверенности, что каждый для себя все понимает! На вопрос, заданный в лечебнице параноика: хорошо ли ему тут, он отвечал: «Все переносимо, за исключением разве только оловянных глаз психиатров, которые упрутся в вас с тупой уверенностью, что они все в вас понимают! А сами-то ведь ничего не понимают! <...> Вот и наши ученые Вагнеры готовят будущему человечеству своею «объективную психологию» значительное отупление к междучеловеческим отношениям. Потеряли личность, потеряли собеседника, а значит потеряли самое главное. Собеседника не построить из тех абстракций, которыми живет филистер!» [2].

Почти 100 лет спустя, как были написаны эти слова, два психиатра Осборн Виггинс и Майкл Шварц прочли лекции с примечательными названиями: «Кризис современной психиатрии: потеря личности» и «Кризис современной психиатрии: обретение личности» [3]. Авторы не более оптимистичны, чем А.А. Ухтомский. Они пишут, что психиатрия находится в кризисном состоянии постольку, поскольку она потеряла свои основы в этическом понимании больного, т.е. в том целостном понимании, которое позволяет видеть в человеке личность. «Обретение

личности», к сожалению, не свершившийся факт, а достаточно хорошо осознанная задача, для решения которой авторы обращаются к философской антропологии. Заметим, не к психологии, у которой дела с личностью обстоят не лучше, чем в психиатрии.

Смещение понятий «личность»
и «индивидуальность»

Разумеется, недостатка в демагогии относительно личности мы никогда не испытывали. Еще живы представления о том, что личность субпродукт коллектива, звучат отголоски восторгов по поводу всестороннего и гармонического формирования личности, разрабатываются личностные тесты и пр. Все шире распространяется практика использования уже имеющихся. В подавляющем большинстве случаев они имеют американское происхождение. При этом упускается из виду одна существенная деталь. Personality — это вовсе не личность, а индивидуальность. В английском языке личность — это selfhood или self-ness. Это нечто вроде личности, может быть, «личностность», которую никто не берется формировать или тестировать. Да и в русском языке не удивляют персональный автомобиль, туалет, компьютер. Странно было бы приложение к ним прилагательного «личностный». А.Ф. Лосев говорил, что личность — это чудо, миф. Этимология слова «личность» связана не с личиной, а с ликом, лицом человеческим. А этимология слова «персона» берет начало от маски, в петровские времена персоной называли куклу.

Смещение индивидуальности (персоны) и личности — не безобидно. Например, недавно вышла интересная книга Дж. Келли «Психология личности», которая на самом деле рассказывает об *онтологии индивидуумов* — это слова автора. И то, что переводчик называет личностными конструктами, есть функциональные органы индивида, т.е. — давний сюжет А.А. Ухтомского и его последователей, будь то физиолог Н.А. Бернштейн или психолог Л.С. Выготский и порожденная его учениками психологическая теория деятельности. Смещение терминов индивидуальность и личность, с одной стороны, внушает ложные ожидания и мешают проникнуть в подлинный смысл книги, с другой, — не позволяет связать теорию Дж. Келли с известными отечественными традициями и интенциями познать анатомию и физиологию человеческого духа. Именно эту цель преследовал А.А. Ухтомский, давая не анатомо-морфологическую, а энергетическую интерпретацию

Стремление современной психологии разорвать целостность личности

понятия «функциональный орган», определяя его как временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. К давней идее П.А. Флоренского о том, что человек не факт, а акт, подходит и Дж. Келли в упомянутой книге.

М.М. Бахтин говорил, что личность не нуждается в экстенсивном раскрытии. Ее видно по взгляду, жесту, слову. Ему же принадлежит, так сказать, запрет на окончательное заочное определение личности. А.А. Ухтомский сомневался в возможности окончательного даже очного ее определения. Но эпидемия личностного тестирования расширяется: психологи стремятся во что бы то ни стало разорвать цельность и спаянное единство личности. Страсть к ее тестированию основана на бытовой трактовке понятия «личность». Несколько лет тому назад я насчитал в планах Российской академии образования (РАО) более 200 тем, в названии которых все фигурировало слово «личность». Своего рода апофеозом нелепости было предложение в адрес еще старой Академии педагогических наук СССР начальника одной из исправительных колоний, где содержались уголовники, написать диссертацию на тему: «Формирование личности в условиях несвободы». Да и сегодня число диссертаций по проблемам психологии личности существенно превышает число личностей их написавших и защитивших.

Personality — это индивидуальность, что, между прочим, не так мало для исследования. Здесь есть простор для изучения ее свойств и качеств — культурных, социальных, психологических, для изучения индивидуальных различий и предпочтений. М.М. Бахтин заметил, что индивидуальность — это свое слово в культуре, подчеркну, свое, а не чужое. Эстетика не замахивается на личность, понимая, что дай Бог разобраться в индивидуальности. Личность — это таинственный избыток индивидуальности — ее свобода, которая не поддается исчислению, предсказанию, ее чувство ответственности и вины. Я понимаю, что огорчу или даже фрустрирую многих психологов, сделавших личность своей профессией, но вынужден напомнить: личность, действительно, есть чудо, миф, предмет удивления, восхищения, преклонения, зависти, ненависти; предмет непредвзятого, бескорыстного, понимающего проникновения и художественного изображения во всем

многообразии ее индивидуального, культурно-исторического опыта. Но не предмет научного объяснения, практической заинтересованности, тестирования, формирования и манипулирования. В такой роли личность невозможно себе представить, как невозможно себе представить экспериментальное исследование поступка, в котором она себя проявляет. Личность, в том числе и личность психолога, — это призвание, а не профессия.

Необходимость существования в психологии понятия «личность» как «доминанты на лицо другого»

Сказанное вовсе не означает, что нужно перестать использовать понятие «личность» в психолого-педагогическом контексте. Например, вполне осмысленна стратегия личностно-ориентированного обучения, если она исходит из презумпции виновности. Последняя означает, что все находящиеся перед учителем ученики не только «субъекты учебной деятельности», а личности, пусть потенциальные; что у учителя, выражаясь словами А.А. Ухтомского, сложилась доминанта на лицо другого человека. Он добавлял, что, пока такой доминанты нет, о человеке нельзя говорить, как о лице. Учителю и психологу хорошо бы помнить слова П.А. Флоренского о том, что познание не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом, а живое нравственное общение личностей. Г.Г. Шпет усиливает личностную составляющую познания: личность не может любить безличное и хотеть безличного; это относится к ее существу. Не помню, кто заметил, что в безличных предложениях есть какая-то безысходность. Как на безличном уроке.

Слово «субъект» не заменяет понятия «личность»

С некоторых пор в нашей науке распространился еще один термин: «психологический субъект». Сегодня философски и психологически подозрительные субъекты и их тени заменили «нового человека» и все чаще блуждают по страницам психологической литературы. В соответствии с давним прогнозом Г.Г. Шпета психологический субъект втянет за собой еще большее диво — психологическое сказуемое. Здесь тоже проявляется нечувствительность к языку. В англоязычной психологической литературе субъект — это испытуемый — в эксперименте, и за пределы лабораторного жаргона он не выходит. В нашей психологической литературе даже младенцам присваивают звание «субъектов». Забыто прекрасное слово «дитя». Прислушаемся к русскому языку. Бессовестный субъект, бездушный субъект — это печально, иногда не вполне

нормально, но привычно. А душевный, совестливый, одухотворенный субъект — смешно и грустно. Субъекты вообще репрезентируют всякие мерзости, а человек, личность — олицетворяет. Это я к тому, что в диагностике нуждается и тезаурус психологической литературы.

Не «психозойская эра», а «фельдшеризм в психологии»

Не лучше обстоят дела с тестированием интеллекта, так называемой креативности. Никто из диагностов не знает, что такое интеллект, творчество. Стало классикой следующее определение: интеллект — это то, что тестируется с помощью тестов на интеллект. Значит и в психологии, как в психиатрии, возможно, станет когда-нибудь актуальной давно забытая этическая проблематика. Без нее были бы радужные прогнозы о судьбе психологии в XXI веке окрасятся в багровые тона. Что я имею в виду? Начиная с середины XX века, ученые разных стран, например Ж. Пиаже, Б.М. Кедров, размышляя о XXI веке, уверяли, что он будет веком психологии. Затем, некоторые психологи даже усилили этот прогноз и стали говорить о приближении «психозойской эры» (термин В.И. Вернадского). В.И. Вернадский, в соответствии со своей профессией, мыслил в геологических масштабах — масштабах тысячелетий, а не дней и лет. В нашу «мезозойскую эру» более реальны не эти «девичьи грезы», а опасения Г.Г. Шпета о том, что могут натворить «практики-практиканты» и Л.С. Выготского о «фельдшеризме в психологии»

Сжигание «старой психологии»

Помимо повального распространения психодиагностики, проектирования и формирования личности появились самодеятельные пиарщики, имиджмейкеры, харизмейкеры, трансформирующие бытовую харю в харизму, дехаризмейкеры, приводящие последнюю в первобытное состояние. Справедливости ради нужно сказать, что в ведущих психологических учреждениях успешно практикуется испытание методов PR на себе. Старые психотехники называли это «трудовым методом», методом вживания в профессию. Автохаризмейкерство в сочетании с черным пиаром дает поразительные результаты: наука поднимается на такую высоту, что ее уже не видно. Зато виден кураж. Недавно на факультете психологии Московского (!) университета проходил уже не пиар, а ПИР духа — праздник психолога, на котором совершилось ритуальное Действо. Желторотые первокурсники, руководимые новой администрацией факультета, представляющей социальную психо-

Дискредитация психологин через
ущербность психологического об-
разования

логию, с восторгом сожгли «старую психологию». За таким актом должно последовать сожжение книг, хорошо бы только собственных книг администраторов. Помнится, нечто подобное уже было. Здесь психодиагностика избыточна: это уже диагноз.

Я и прежде догадывался, что Россия — родина самозванцев. Но тем не менее был потрясен, услышав, что на факультете психологии МГУ (да, да — снова Московского!) готовят за два года из всех желающих — психоаналитиков. Это вместо почти 20 лет подготовки, как это принято в мире. Напомню, что З. Фрейд уподоблял психоанализ ножу хирурга. Соответственно, и ошибки недоучки психоаналитика могут напоминать мрачноватую шутку нейрохирургов: или не тот больной, или не то полушарие. Легко представляю, как бы отнесся к этому великий ректор Московского университета И.Г. Петровский, многое сделавший для создания факультета психологии. Он бы наверняка его закрыл. Ситуация усугубляется еще и тем, что у нас расплодились «декретные» психологи, получившие всего лишь девятимесячную подготовку; кое-где открывался даже «психологический абортарий» (три месяца подготовки!). Почти как в советской песне: «У нас психологом становится любой». За такое время ничего, кроме наглого самосознания, сформировать нельзя. Плюс еще компьютерные версии тестов и навык в чтении результатов. Здесь диагностика обходится даже без «оловянных глаз» психолога, что эквивалентно заочному определению человека, против которого предупреждал М.М. Бахтин. Дискредитируется сама идея тестирования и тесты, среди которых имеются замечательные, как по возможностям констатации наличного состояния, так и по прогностической силе. Обработка результатов, получаемых с их помощью, — это искусство. Все это усугубляется распространившимся заочным и дистанционным (диетическим) образованием педагогов и психологов.

Вопрос о предмете психологии

Между прочим, подобное образование и практика создают трудности в обсуждении и определении предмета психологии. Как известно, предмет физики — это то, о чем физики говорят. Предмет математики — это то, чем математики занимаются. Сегодня я бы не взялся сказать, о чем говорят психологи и чем они занимаются. Не хотелось бы дожить до того времени, когда неловко будет признаваться в своей профессии. Еще раз

задумаешься, почему Ф.М. Достоевский категорически возражал, чтобы его называли психологом. Поневоле пожалеешь о том, что человек — не машина. Тогда бы новоявленных «инженеров человеческих душ» гарантированно готовили не меньше пяти лет. Происходящее сегодня даже нельзя назвать доминированием цивилизационной компоненты в психологии. Это похоже на разгул бескультурия, который нельзя оправдать небывалым ростом потребности в психологическом обеспечении (обслуживании?) в нашей больной стране. Ничего, кроме дискредитации психологии, самой идеи диагностики подобное удовлетворение, действительно, насущной потребности не сулит. И дискредитация уже началась и будет продолжаться до тех пор, пока психология вкупе с ее инструментарием не станет лицензируемой специальностью. Пока же до психологической культуры нам так же далеко, как до гражданского общества.

Необходимость профессионализации и ответственности в психодиагностике

Сказанное выше не означает, что диагностика не нужна. Ее необходимость должна быть сопоставляема с профессионализмом, ответственностью и чувством вины тех, кто ее осуществляет. Слишком часто она влияет на судьбу человека. Нужно отчетливо понимать, что психодиагностика требует высокой культуры, что это вообще один из сложнейших видов деятельности психолога. Вспоминаю, как сотрудники Б.М. Теплова пытались коррелировать индивидуально-типологические различия нервной системы испытуемых с их психологическим портретом. Выдающийся психолог сам часами беседовал с испытуемыми, проверяя и перепроверя полученные результаты. При этом он опирался и на свою богатейшую интуицию. Несмотря на затраченный труд, он счел преждевременной их публикацию. Я, например, никогда бы не взялся за диагностику. Основанием моей робости служит понимание ответственности, сложности задачи и скудости средств ее решения. Мне доступно лишь одно — выражение лица. Например, без тестов видно, что из миллиона свободных ассоциаций невозможны такие: персону N — профессор, а персонаж M — психолог. Вспоминаю собственный опыт. Меня уговорили стать объектом тестирования с помощью MMPI. По результатам мне объявили, что я невротик. У меня мелькнула мысль повести себя в соответствии с диагнозом, но я улыбнулся, пошутил,

Сложность нахождения взаимосвязи между внешним и внутренним в человеке

Внешность внешности рознь

поблагодарил и простился. Вечером мне позвонили и извинились, сказав, что перепутали ключ.

Обратимся вновь к очевидному. Внешность человека обманчива, а внутреннее — таинственно. Если бы внешнее и внутреннее совпадали, то не было бы не только психологии, не было бы и человека. Разумеется, внешнее и внутреннее связаны друг с другом, но законы их связи только-только нащупываются, и самонадеянность здесь неуместна. Диагностов, конечно, может утешить утверждение Г.Г. Шпета о том, что нет ни одного атома внутреннего без внешнего, но последнее еще нужно научиться читать, как текст с богатейшим подтекстом, который порой важнее текста. Другими словами, человек есть целостность, но целостность непрозрачная. В ней слишком много виртуальной реальности, которая реальнее самой реальности и непредсказуемо всплывает наружу. Проникнуть в человека внутреннего, в его, как сказал бы В. фон Гумбольдт, внутреннюю форму, в его мысль, сознание, волю, эмоциональную сферу, в способности, в душу, наконец, — задача чрезвычайно трудная, хотя и не вовсе безнадежная. Ее можно решить, съев с человеком пуд соли... Боюсь, правда, что практическая ценность такого метода диагностики близка к нулю.

Казалось бы, проще ограничиться «чистой» внешностью, но и здесь на пути стоит Б. Спиноза, сказавший: то, к чему способно человеческое тело, никто еще не определил. А Б. Спинозу никто не опроверг. Да и внешность внешности рознь. Она о многом говорит, если к ней не подходить так, как подходит ведущий акмеолог А.А. Бодалев, изучающий проблему социальной перцепции. В его книге «Восприятие человека человеком» (и наоборот!) рассказывается об установлении замечательного факта: определено, с какого расстояния испытуемый видит пуговицу на сорочке. Трудно возразить, что подобные данные могут быть полезны ворошиловскому стрелку, по-своему решающему задачу социальной перцепции. Подобным же образом обращаются и с внутренним. Приведу парафраз Марксова определения сущности человека, принадлежащий А.А. Зиновьеву: сущность человека — это такая совокупность общественных отношений, которые человек в состоянии выдержать. Чтобы далеко не ходить, скажу, что опыт нашей страны свидетельствует о том, что здесь резерв

вы огромны и их тоже никто еще не определил. Эксперименты продолжаются... Человеческим потенциалом легче пренебречь или затоптать его, что в нашей стране стало исторической закономерностью. Россия перестала любить даже мертвых.

Проблема нормы и меры в психодиагностике

Перед диагностом неминуемо возникают проблемы нормы и меры. Ф.Д. Горбов, отбиравший первых космонавтов, приводил наглядный пример. Чемпион мира бежит 100 метров за 10 секунд. Любой здоровый человек пробежит эту дистанцию за 20 секунд. Значит он отличается от чемпиона не более, чем в два раза. А во сколько раз отличается умный от дурака? Нет ответа! На вопрос, а как же ты осуществлял отбор, Ф.Д. Горбов отвечал, что для него главным было не то, как кандидат выдержит огонь и воды. Здесь все претенденты были примерно равны, их качества выявлялись и по ходу подготовки. Важнее, как он выдержит медные трубы, каким он станет по возвращении. Это уже не просто профотбор, это искусство.

Проблема закрытости человека

Трудности диагностики усугубляются еще и тем, что люди склонны охранять свою внутреннюю территорию от постороннего вмешательства, используя при этом разные способы защиты: от прямого отказа до обмана, надевания на себя маски, принятия той или иной роли. Бывают ситуации, когда люди сами (как и их близкие) заинтересованы в диагностике. Цели при этом могут быть разными: от «познать самого себя»... до обмануть себя или диагноста. Кажется, последнее удается чаще. В свою очередь, диагносту помогает вводить в заблуждение клиента или обманываться самому то, что люди и сами себя представляют достаточно смутно.

Вопрос не в тестировании, а в интерпретации

Искусство диагностики состоит вовсе не в тестировании, а в интерпретации. Поверхностная диагностика не проникает во внутреннюю форму человека, в ее глубинные пласты, хотя, конечно, есть тесты, позволяющие такое проникновение. Но обращение с ними — это серьезная наука, овладение которой требует нескольких лет работы под руководством опытного супервизора, который должен оценить уровень общей психологической подготовки стажера и перспективу его дальнейшего развития.

Замечу, что самыми беззащитными являются дети, психически больные, подсудимые и солдаты. С ними диагно-

стические процедуры осуществляются по произволу или по приказу. Присмотримся к детям. М. Волошин сказал:

Ребенок — непризнанный гений

Средь буднично серых людей.

Это среди нас с вами. Обучая и воспитывая ребенка, мы часто опускаем его до своего уровня. Пора бы откровенно признать, что, тестируя ребенка, мы пытаемся определить, что у него осталось после взрослого вмешательства в ход его развития и роста. Здесь диагност должен быть конгениален ребенку; помимо профессионализма, обладать еще и душевной щедростью, что, впрочем, в полной мере относится и к нашему затюканному всеми, кому не лень, учителю. Ему не до удивления талантом, не до индивидуальной работы с учеником и не до заботы о его развитии. Мы ведь не знаем, что было бы с А.С. Пушкиным, если бы Г.Р. Державин и В.А. Жуковский не заметили и не отметили его; что было бы с Б.Л. Пастернаком, если бы В.Я. Брюсов не заметил и не назвал его поэтом? Возможно, все бы так и случилось, как случилось. Я хотел лишь подчеркнуть душевную щедрость собратьев по поэтическому цеху.

Пора вернуть в психологию
размышления о душе и духе

М.М. Бахтин сказал, что душа — это дар моего духа другому. Хорошо, когда есть что и кому дарить. А для академической и тем более для практической психологии душа — эти вызов, который пора бы им принять. Видимо, препятствием этому служит недостаточный духовный возраст самой психологии. А между тем у нас есть с кого брать пример. Предметом гордости И. Бродского было то, что он вернул душу в русскую поэзию, М. Мамардашвили вернул душу в российскую философию. Может быть, и нам нужно начать с того, чтобы вернуться к заданному античностью смысловому образу психологии как науки о душе и вернуть в психологию размышления об онтологии души и духа А.А. Ухтомского, П.А. Флоренского, С.Л. Франка, Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, да и нашего родного Г.И. Челпанова. Вернуть не формально, а заслужить право на собеседование с ними.

Психодиагностика нужна, но...

Несколько слов в заключение. Психодиагностика нужна, но в высшей степени профессиональная. Никакие запросы фантома, именуемого социальной практикой, не оправдывают непрофессионализма. Необходимо лицензирование. Особый вопрос, кому его доверить? Не-

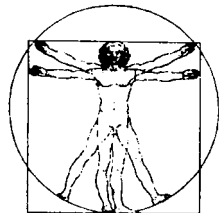
обходимо обучение, тестирование и отбор самих диагностов. Все же проявляю осторожный оптимизм. Сегодня у нас уже есть профессионалы, которые могут квалифицированно отбирать и готовить специалистов по психодиагностике. В их публикациях звучали мотивы, подобные тем, с которыми читатель встретился выше. При отборе необходима оценка и их душевных качеств, хотя бы установление наличия души. М. Мамардашвили как-то заметил, что душ меньше, чем людей, не всем хватает. А великий Чарлз Шеррингтон сказал, что спинальный человек в большей степени калека, чем спинальная лягушка. Также и бездушный психолог. Его нельзя допускать к практической работе с людьми.

Необходимо четко определить, что подлежит диагностике, а что — нет. Индивидуальные свойства и качества человека — пожалуйста. Что касается личности, то в Декларацию прав человека следовало бы записать пункт о свободе личности от вторжения в ее мир педагогов и психологов. Не следует уподобляться гоголевскому герою: «До леса мое, лес мой, за лесом тоже мое». Нужно хотя бы войти в лес.

Наконец, необходимо создать и принять этический кодекс психолога, в котором главным пунктом должно быть: «Осторожно — люди!»

«Осторожно — люди!»

-
1. Хлебников В. Собр. соч. Л., 1933. Т. V. С. 144.
 2. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997. С. 171.
 3. Независимый психологический журнал. М., 1999. № IV. С. 5—15.

*рефлексия на себя
и других*
